

XIX
Е Ж Е Г О Д Н А Я
Б О Г О С Л О В С К А Я
К О Н Ф Е Р Е Н Ц И Я

**ПРАВОСЛАВНОГО СВЯТО-ТИХОНОВСКОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ТОМ 2

Москва
Издательство ПСТГУ
2009

ПРОБЛЕМНОЕ ЯДРО ИСТОРИЧЕСКОЙ НОВЕЛЛИСТИКИ Н. ГОТОРНА: БЕСЧЕЛОВЕЧНАЯ ВЕРА И ЕСТЕСТВЕННАЯ ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

В своих новеллах Натаниель Готорн (1804–1864) довольно часто обращается к американскому дореволюционному прошлому. При этом прошлое для него является не чем-то отдельным от настоящего, не объектом нарочитой эстетизации, но материалом для морально-философских обобщений. В прошлом действуют те же духовные законы, что и в настоящем. Эти законы задают единство и смысл истории и представляют для Готорна главный интерес. При всем его внимании к исторической детали, к колориту прошлой эпохи, не факт и не документ для него главное, но нравственный смысл происходящего.

Обращение Готорна к прошлому было продиктовано также требованиями романтического метода. Готорн часто жалуется в предисловиях, что окружающая его жизнь дает мало материала для романтической повести. В современной ему Америке «нет тени, нет старины, нет тайны, нет колоритного и мрачного зла, нет ничего, кроме банального процветания при простом и ясном солнечном свете»¹. Этот обыденный свет не позволяет видеть «правды человеческого сердца», которая гораздо легче обнаруживается на некоей «нейтральной территории между реальным и сказочным миром»², где встречаются и сливаются действительное и воображаемое. Такой «нейтральной территорией» становится у Готорна прошлое. Люди и предметы, воспринимаемые сквозь историческую дымку, теряют свою самодовлеющую однозначность и превращаются в символы, в которых выражает себя жизнь человеческого сердца.

Поэтому факты истории в изображении Готорна непременно выстраиваются в аллегорию, раскрывая свой моральный смысл. Восприятие Готорном прошлого предельно субъективно и эмоционально насыщено, он (как в следующем веке У. Фолкнер) создает на материале прошлого своеобразную «мифологию», которая помогла бы определить его собственное место в истории и бытии. Соответственно, в «исторических» новеллах Готорна интересно и то, как в осмыслении прошлого раскрывается мировоззрение автора, и то, как это определяет художественные особенности новелл.

В своем докладе я хотел бы рассмотреть раннюю новеллу Готорна «Кроткий мальчик» (“The Gentle Boy”, 1832). Говоря об этом произведении, я постараюсь следовать линейному движению самого текста в последовательности его важнейших событий.

Действие рассказа «Кроткий мальчик» приходится на середину XVII в. В прологе Готорн сообщает, что в 1656 году в Новой Англии впервые появились квакеры. Напомним, что квакеры (или, как они сами себя называли, «Христианское Общество Друзей Внутреннего Света») — это крайне левая протестантская группа, основанная в середине 17 в. в Англии ремесленником Джорджем Фоксом. Квакеры верят, что любой человек способен воспринимать откровение благодаря тому, что в каждом есть «Внутренний Свет» — часть божественной природы. Они отвергают священство, таинства и обряды, а в общественной жизни уклоняются от военной службы. Преследуемые английским правительством, многие общины квакеров эмигрировали в Северную Америку. В 1689 положение английских и американских квакеров было легализовано «Актом о терпимости». Но до этого пуританские власти принимали решительные и безуспешные меры против этой секты, вплоть до смертной казни двух ее приверженцев.

Действие рассказа Готорна начинается в самый день казни двух квакеров. Некий пуританин, проходящий в сумерках около места казни — поляны, окруженной девственным лесом, — находит на свежем могильном холме мальчика лет шести, судорожно рыдающего. Пуританин пытается утешить ребенка, носящего странное имя Илбрагим, но известие, что это сын одного из казненных, заставляет его отшатнуться: “The Puritan, who had laid hold of little Ibrahim’s hand, relinquished it as if he were touching a loathsome reptile. But he possessed a compassionate heart, which not even religious prejudice could harden into stone” (72)³. В этой фразе

¹ Preface to *The Marble Faun* // *Heritage of American Literature: Beginnings to the Civil War*. Ed. James E. Miller, Jr., San Diego et al.: Harcourt Brace Jovanovich Publishers, Vol. 1. 1991. P. 1505.

² Готорн Н. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. Л.: Художественная литература. 1982. С. 66.

³ Здесь и далее цитаты из новеллы Н. Готорна «Кроткий мальчик» приводятся по изданию: Hawthorne N. *Selected Tales and Sketches*. San Francisco: Rinehart Press, 1970, с указанием в скобках только номера страницы.

задается важная для рассказа оппозиция разделяющих людей «религиозных предрассудков» — и сострадательного человеческого сердца, эти разделения преодолевающего.

Чувство жалости все же побуждает пуританина принять, на свой страх и риск, отвергнутого всеми ребенка. Дороти, его жена, полностью поддерживает в этом мужа, но односельчане выражают крайнее неодобрение.

Неприятие пуританами маленького Илбрагима не имеет, конечно, личного характера. Илбрагим — “little, quiet, lovely boy” (76). Но, по мысли Готорна, естественные чувства жалости и любви подавляются пуританами вследствие их религиозных убеждений.

Образом пуританского мира является храм, место действия второй части рассказа. Приведем его выразительное описание: “The low ceiling, the unplastered walls, the naked wood work, and the undraped pulpit” (77). Илбрагима, впервые приведенного в это своеобразное место, встречают неприветливые, брезгливые, негодующие взгляды, слова и жесты, а темой проповеди оказались в тот день пагубные заблуждения квакеров.

Но обычный ход богослужения прерывается странным происшествием. Вскоре по окончании грозной проповеди на опустевшую кафедру взошла закутанная в плащ женщина. Сняв свой плащ с капюшоном, эта фигура предстала взорам пораженных прихожан в своей яркой и необычной наружности: “A shapeless robe of sackcloth was girded about her waist with a knotted cord; her raven hair fell down upon her shoulders, and its blackness was defiled by pale streaks of ashes, which she had strown upon her head” (79).

Это квакерша Кэтрин, которая пришла, чтобы излить на слушателей скорбь и горечь своего сердца. Она шлет страшные проклятия на головы убийц, казнивших ее мужа, и архаическая риторика, а также мотив личной утраты придают ее речи особую эмоциональную силу: “But I say unto ye, Woe to them that slay! Woe to them that shed the blood of saints!... Woe, woe, woe, at the judgement, when all the persecuted and all the slain in this bloody land, and the father, the mother, and the child, shall await them in a day that they cannot escape!..” (80–81).

Кажется, слова несчастной иступленной женщины не могут не внушить к ней сочувствия. Однако пророческий пафос Кэтрин не увлекает ни ее оцепеневших на скамьях слушателей, ни трезвомыслящего рассказчика. Пастор обращается к женщине с «интонацией справедливого негодования и законной власти»: “Get you down, woman, from the holy place which you profane. Is it to the Lord’s house that you come to pour forth the foulness of your heart and the inspiration of the devil?...” (81). Рассказчик, судя по всему, полностью солидарен с этой оценкой слов, произнесенных безумной женщиной с церковной кафедры.

Можно заметить, что в этой сцене звучат равноправные конфликтующие голоса (рассказчик, пуританский пастор, Кэтрин), в какофонии которых читатель призван расслышать ведущий смысловой обертоном, который не связан с одним голосом.

Так, когда Кэтрин проклинает пуритан за их жестокость, читатель вынужден сочувствовать ее положению и ее словам. Но когда пуританин приказывает буйной женщине сойти с кафедры и «не осквернять дома Божьего» своим присутствием, читатель не может не признать законность и этого требования. Однозначная реакция на происходящее возможна лишь на краткий момент, пока звучит один голос: со вступлением в диалог другого она должна смениться на противоположную, чтобы остаться верной той же *нравственной правде*, которая заставляла соглашаться с предыдущим голосом. Определенность смысла, таким образом, не связана ни с одним из звучащих голосов: она обретается в пространстве колебаний между ними. Такой нарратологический строй произведений Готорна делает необходимым условием их понимания нравственную рефлексию.

Не успела Кэтрин, сопровождаемая холодными взглядами, ступить и шагу по направлению к уже ожидавшим ее у дверей храма стражникам, как маленький мальчик подбежал к ней и обхватил ее руками: “I am here, mother; it is I, and I will go with thee to prison!” (82).

Поняв, что это действительно ее сын, Кэтрин вновь сознает себя матерью, и ей на мгновение открывается ложь пройденного ею пути. Тем не менее, Кэтрин принимает решение оставить сына у приемных родителей, когда она видит Товийя Пирсона и угадывает в нем возможного прозелита своей секты. Таинственный «голос», по свидетельству Кэтрин, внушает ей оставить сына, дабы он послужил делу обращения его приемного отца в новую веру.

Таким образом, и община пуритан, и его собственная мать, рассматривают маленького Илбрагима прежде всего в свете своей религиозной идеи, которая заставляет их подавлять свои сердечные движения. В сознании и Кэтрин, и пуритан ребенок является, прежде всего, носителем определенной доктрины, и потому либо инструментом для ее распространения, либо объектом неприязни и презрения.

Итак, маленький Илбрагим навсегда остается со своими новыми родителями. Следующая, третья часть рассказа всецело посвящена этому ребенку.

Илбрагим — это одухотворенный отрок, который часто кажется существом неземным. Это маленький, тихий, красивый мальчик с благопристойными манерами. Он всецело предан своей вере, но и к религии ее

гонителей проявляет мудрое почтение, чуждое всякого бесчинства. Он — носитель подлинных основ жизни: любви, «сердечного» начала, противостоящего рассудочному фанатизму и ненависти.

Между тем, Илбрагим остается в Новой Англии гонимым, причем не только взрослыми, но и детьми. Особенно ярко это проявляется в предательстве, которым отвечает на самоотверженную заботу Илбрагима о нем один пуританский мальчик, выхоженный в их доме после падения с дерева. Выздоровевший мальчик вскоре участвует вместе с другими пуританскими детьми в избиении Илбрагима, и лишь подросшие на шум соседи спасают маленького страдальца от мученической смерти.

После этой трагической истории с Илбрагимом происходит перемена. Он утрачивает свою веселость и подвижность, мысли его устремляются с внешних предметов внутрь его души.

В четвертой (и последней) части рассказа внимание рассказчика переносится с главного персонажа на его приемного отца, чья жизнь существенно изменилась под влиянием спасенного им ребенка. Пирсон перешел в секту квакеров, и его дом утратил свой былой уют. Хозяин обеднел и выглядит теперь «сильно исхудавшим и изменившимся из-за болезненного и страдальческого выражения лица» (93).

Снежным непогожим вечером Пирсон пытается укрепить свой угнетенный дух словами Священного Писания, читаемого вслух при свете камина его седовласым единоверцем. Старик квакер, это новое лицо в рассказе, отмечен живописными чертами маститого благородства. Стремясь отвлечь мысли своего товарища от его горя — смертельной болезни Илбрагима, старик вспоминает, как он сам покинул умирающую дочь, повинувшись внутреннему таинственному голосу: “I was kneeling by her bedside when the voice spoke loud within me; but immediately I rose, and took my staff, and gat me gone” (95). Пирсон с содроганием вопрошает безрассудного мистика, как тот мог оставить дочь в ее смертный час... Действительно, слепое послушание загадочному «голосу» оставляет несчастному старику наследие гнущих воспоминаний.

Впрочем, рассказчик не дает нам почти никаких ориентиров для оценки духовного пути старого квакера. Точнее, эти косвенные указания противоречивы, и вся ответственность нравственной оценки пути квакера возлагается на читателя.

Между тем, рассказ близится к своему печальному завершению. Стук в дверь прерывает беседу двух сектантов. С порывом вьюги, покрытая снегом с головы до ног, перед ними является Кэтрин, принесшая радостную новость о прекращении гонений по воле короля.

Но взгляд вестницы блуждает по комнате — «разыскивая то существо, только во имя которого она и искала спокойной обители» (98). Мать еще жива в этой странной женщине.

Весть о скорой смерти сына глубоко смиряет Кэтрин, обнажает ее человеческую сущность, лишает ее в собственных глазах дерзко присвоенной себе апостольской тоги. В ответ на ее иступленные и безумные речи слышится слабый голос умирающего мальчика, ее сына... Илбрагиму, который всю жизнь на земле казался небесным чужестранцем, и на самом пороге его вечного дома необходима любовь и присутствие его земной матери. Он умирает, прижавшись к ней, со словами утешения.

Но смерть сына не смягчила его мать. Из короткого эпилога мы узнаем, что Кэтрин вновь делает себя объектом жестоких преследований, не прекращающихся в Новой Англии даже вопреки воле короля. Только когда ослабевает фанатизм гонителей, успокаивается и Кэтрин и навсегда остается в доме Пирсона, а после находит место последнего упокоения “by Ibrahim’s green and sunken grave” (101). Образом этой могилы, в которой мать навеки соединилась с сыном, и заканчивается рассказ «Кроткий мальчик».

Перейдем к выводам.

В рассмотренных нами ключевых эпизодах рассказа повсюду разъединяющим людей началом являются фанатичные верования, а соединяющим — естественные чувства сердца.

Такая «апология сердца» тем более примечательна, что исходит от автора, для которого глубокая поврежденность человеческого сердца была основополагающей интуицией. Очевидно, вследствие этого «апология сердца» у Готорна не абсолютна, но имеет в рассказе определенные ограничения. Такой «оговоркой» является фигура Пирсона. Пирсон следует естественным и благим движениям своего сердца, но это следование оказывается для него пагубным.

Влекомый состраданием, Пирсон совершает путь от благотворной семейной любви, от домашнего уюта, от уважения и дружбы сограждан — к утрате всего этого. Что же взамен? Сосредоточив свою жизнь исключительно в сердце с его привязанностями, Пирсон повергается в болезненное отчаяние при естественной потере Илбрагима — объекта своей безраздельной, но лишенной духовного измерения любви.

Жизнь Пирсона искажается гуманистическим «предрассудком» — верой в то, что человеческое сердце, не очищенное от страстей, может бытьместилищем божественного света. Но там, где обожествляется естественное добро, где внутреннему голосу оказывается безоговорочное доверчивое послушание, — там может возобладать проистекающая из сердца стихия разрушения. Фундаментальная для Готорна интуиция о глубинной поврежденности человеческой природы, таким образом, находит в рассказе свое недвусмысленное выражение.

В центре рассказа находится небожитель — кроткий мальчик, которому естественно присуща доброта, который не способен ко злу. Но одновременно он оказывается неспособным и жить на грешной земле и увядает, как цветок на чужеродной почве. Художественная мысль Готорна не могла не ощущать неполноценность такого добра. Развитие таланта писателя со временем привело его к изображению добра, которое является плодом сознательного и выстраданного выбора, плодом мучительной борьбы со злом и преодоления зла. Таково добро в романе «Алая буква».